

УДК 070.1(091)(47+57)

«ЭТО ХУЖЕ ВЫСТРЕЛА!»

(ФЕЛЬЕТОН А. В. АМФИТЕАТРОВА «ГОСПОДА ОБМАНОВЫ» В ГАЗЕТЕ «РОССИЯ»)

© 2014 Д.А. Дробышевский

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 18 января 2014 года

Аннотация: статья посвящена истории закрытия газеты «Россия», выходявшей в Санкт-Петербурге в 1899-1902 гг. Издание заявило о себе, как об органе либерального направления. За короткий срок своего существования газета стала одним из самых популярных изданий своего времени. Она была закрыта после опубликования на ее страницах фельетона А. В. Амфитеатрова «Господа Обмановы».

Ключевые слова: фельетон «Господа Обмановы», А. В. Амфитеатров, газета «Россия», либеральная печать, В. М. Дорошевич, Г. П. Сазонов, А. С. Суворин, Николай II.

Annotation: the article is devoted to the story of the closure of the newspaper «Rossiya», which was published in St. Petersburg in 1899-1902. «Rossiya» proved itself as a liberal media. Within a short period of its existence, «Rossiya» has become one of the most popular newspapers of its time. It was closed because of publication in its pages of A.V. Amfiteatrov's feuilleton «Gospoda Obmanovy».

Key words: feuilleton «Gospoda Obmanovy», A. V. Amfiteatrov, newspaper «Rossiya», liberal print media, V. M. Doroshevich, G. P. Sazonov, A. S. Suvorin, Nicholas II.

13 января 1902 года (здесь и далее все даты приведены по старому стилю – Д.Д.) в издававшейся в Санкт-Петербурге газете «Россия» был опубликован фельетон Александра Валентиновича Амфитеатрова «Господа Обмановы». В нем рассказывается история семьи Обмановых, за которой угадываются члены императорского дома Романовых, в частности, цари Николай I (Никандр Памфилович Обманов), Александр II (Алексей Никандрович Обманов), Александр III (Алексей Алексеевич Обманов), Николай II (Никамилуша), его мать вдовствующая императрица Мария Федоровна (бывшая гувернантка Марина Филипповна), царское окружение, например, близкий к Николаю II дипломат, публицист, издатель газеты «Санкт-Петербургские ведомости» князь Эспер Эсперович Ухтомский («мужичок» с железнодорожной станции), а также балерина Мариинского театра Матильда Феликсовна Кшесинская (mademoiselle Жюли), у которой был роман с действующим императором.

Газета «Россия» была к тому моменту одним из наиболее читаемых периодических изданий империи. Ее первый номер вышел 28 апреля 1899 года. А уже к концу 1900 года издание достигло тиража в 40 тыс. экземпляров и встало «в один ряд с крупнейшими российскими газетами» [6, 73]. «Россия» создавалась на деньги московского купечества, которое во главе с фабрикан-

том Саввой Ивановичем Мамонтовым собрало по подписке 180 тыс. рублей на ее финансирование [22, 237]. Ведение хозяйства было поручено предпринимателю Матвею Осиповичу Альберту, который внес в бюджет издания еще 120 тыс. рублей [22, 270]. Благодаря поддержке купечества газета пригласила к сотрудничеству ведущие перья России (упомянутого Амфитеатрова, Власа Михайловича Дорошевича, Владимира Алексеевича Гиляровского, Дмитрия Александровича Линева (Далина) и др.), щедро оплачивала их материалы, несмотря на убыточность. Убытки за все время издания газеты (менее 3 лет) достигли 400 тыс. рублей [6, 73].

«Россия» позволяла себе необыкновенную для легальной прессы того времени резкость высказываний. Публицист Александр Рафаилович Кугель вспоминал: «Она («Россия» – Д.Д.) была еще развязнее, чем «Новое время», еще бойчее, и в то же время будто бы была газета либеральная» [11, 145]. «Россия» публиковала фельетоны и «сказки», в которых позволяла себе критику крупных сановников и даже царя Николая II. Генерал Федор Петрович Рерберг писал: «В выпускаемых периодически «сказках» наш Государь представлялся, большею частью, Китайским Богдыханом, которому приписывались всякие глупые распоряжения; то представлялся он в образе спящего и сосущего лапу медведя; то в образе «Ивана мужика в споре со Змеем Горынычем» <...> сказка об «Иване мужике и Змие Горыны-

© Д.А. Дробышевский, 2014

че» была даже доложена Государю. Но Государь настолько был уверен в своей неприкосновенности, что в безграничном своем благодущии и необыкновенной терпимости, нашел сказку очень остроумной, — Сам хохотал и приказал писателей не обижать: — «пусть пишут» [20, 35]. Показательно, что свобода и резкость выступлений «России» негативно влияли на ее окупаемость: потенциальные рекламодатели настороженно относились к «неблагонадежному» изданию, поэтому платные объявления не давали и трети дохода издания [6, 74].

Амфитеатров начал профессиональную журналистскую карьеру в московской юмористической прессе («Будильник», «Осколки»). Затем сотрудничал в тифлисском «Новом обозрении», в котором заработал авторитет «публициста-обличителя» [7, 314]. После возвращения в Москву в 1891 году недолгое время писал в либеральных «Русских ведомостях», а в 1892 году перешел в «Новое Время».

Амфитеатров стал одним из ведущих авторов этой газеты, вел популярные рубрики «Московский фельетон» и «Воскресный фельетон», работал корреспондентом в Болгарии, в 1896 году был назначен председателем бюро печати XVI Всероссийской промышленно-художественной выставки, проходившей на знаменитой ярмарке в Нижнем Новгороде. С 1899 по 1901 год Амфитеатров de facto был редактором «России». Кроме того, он руководил литературно-политическим и общественным отделами, выступал в газете с фельетонами, театральными рецензиями, литературно-критическими статьями, мемуарами, путевыми очерками и сатирическими сказками. De jure газету возглавлял другой бывший сотрудник «Нового Времени» экономист Георгий Петрович Сазонов

Номер газеты с фельетоном «Господа Обманы» мгновенно сделался «хитом продаж» в обеих столицах. Амфитеатров писал: «Один московский же владелец газетного киоска, сметливый более других своих коллег, прочитав фельетон, едва газета пришла из Петербурга, догадался, что завтра этот номер будет в огромном ходу, и поторопился скупить все экземпляры роковой «России», сколько мог достать. Настолько бескорыстный и добросовестный, что брал с покупателей всего по 10 рублей за экземпляр, он нажил в один день десять тысяч рублей» [2, 95].

О фельетоне мгновенно узнали царь, правительство и высший свет. Князь Сергей Михайлович Волконский, занимавший тогда при дворе влиятельный пост директора Императорских театров, вспоминал: «Весь день царил переполох. Номер «России» возрос до баснословной цены <...>. Помню, вечером был бал у Орловых-Давы-

довых в их великолепном доме на Сергиевской; был государь и весь двор. Все только об этом шептались, что вносило неловкость в общее настроение, тем более вследствие присутствия царской семьи, а также иностранных представителей. Но тут же скоро распространилось, что Сипягин (министр внутренних дел Дмитрий Сергеевич Сипягин — Д.Д.) доложил государю, что он распорядился выслать Амфитеатрова в Вятскую губернию, и что государь ответил: «И прекрасно сделали» [9, 70].

Ужена следующий день после публикации автор фельетона был арестован и отправлен в ссылку в Минусинск. Сазонова выслали в Псков. Газета была приостановлена, а затем окончательно закрыта «постановлением 4-х министров» (до 1905 года в соответствии с Временными правилами о печати 1882 года периодические издания приостанавливались и запрещались Совещанием министров внутренних дел, юстиции, народного просвещения и обер-прокурора Синода).

Публикация фельетона, последующие ссылки и закрытие газеты вызвали широкий резонанс в российском обществе.

Абрам Ильич Рейтблат приводит следующий отрывок из письма педагога Сергея Александровича Рачинского обер-прокурору Синода Константину Петровичу Победоносцеву: «Дерзость действительно беспримерная, заслуживающая и не такого наказания. Надеюсь, что <...> запретят окончательно газету, отважившуюся на такой поступок <...>. Еще отвратительное знамение времени» [18, 447]. Про самого Победоносцева говорили, будто он, прочтя фельетон, сказал: «Это хуже выстрела!» [22, 329].

Рерберг позже вспоминал: «Люди, ненавидевшие Монархический строй России, как подлые и готовые к бунту рабы, начали в своей ненависти издеваться над своими господами. Эти преступники начали подкапываться под престиж ТОГО, кем держалась и крепла великая Россия. Слава России для них не играла роли <...>. Когда верные люди читали этот фельетон, то не сразу даже поняли в чем дело, но когда поняли, то их волосы стали дыбом перед столь наглым, жестоким преступлением против Священной Особы как покойного, так и царствовавшего ИМПЕРАТОРА» [20, 35].

Среди высших слоев общества было популярно мнение, что Амфитеатров не мог отдать на публикацию такой фельетон по своей воле. Князь Сергей Волконский отмечал, что ходили слухи, будто бы «Амфитеатрова споили сотрудники, чтобы вырвать у него рукопись» [9, 70].

В оппозиционном лагере фельетон был оценен неоднозначно.

Максим Горький писал директору-распорядителю издательства «Знание» Константину Петровичу Пятницкому: «Амф<итеатров> – фельетон – пошлость, плоское благерство. Думаю, что сей синьор тиснул эту штуку по такому расчету: была у них в «России» помещена статья по поводу 25-летия в чинах Д. Сипягина. Статья – лакейская. Пожелали – реабилитацию устроить себе в глазах публики. И – вот» [10, 72].

Михаил Сергеевич Сухотин, родственник Льва Николаевича Толстого, 31 января 1902 года записал в дневнике: «Меня порадовало, что Л. Н., несмотря на то, что не может он чувствовать симпатии к Романовым, не одобрил грубого и бесцельного пасквиля Амфитеатрова в «России». «Гг. Обмановы» должны неприятно действовать на человека со вкусом» [12].

У такой негативной оценки фельетона «Господа Обмановы» знаменитыми писателями есть две причины. Во-первых, и Толстой, и Горький невысоко оценивали Амфитеатрова как литератора. Врач и переводчик Толстого Душан Петрович Маковицкий 17 февраля 1905 года записал со слов пациента: «Хорошие книги, талантливо написанные, авторам которых было что сказать, начиная с «Горя от ума» и до сих пор, цензура не пропускала, но они стали тем более известными, тем больше их читали. Господам Амфитеатровым нечего возмущаться цензурой, их запрещенные книги все равно читать не будут» [14, 254]. Горький в упоминавшемся письме отмечал, что Амфитеатров – «талант, хотя грубый, для улицы, для мещанина» [10, 72].

Во-вторых, оппозиционным писателям в фельетоне вряд ли могло понравиться то, что Амфитеатров, избежав критики монархического строя в целом, сосредоточился на личной жизни Романовых.

Многие литераторы посчитали, что такой подход некорректен. Так журналист «Нового Времени» и прозаик Александр Павлович Чехов в письме брату Антону Павловичу Чехову рассказывал: «<...> Когда догадались под «Обмановыми» понимать «Романовых», то фельетон получил другой колорит – <...> пасквиля, направленного в интимную сторону царской семейной жизни <...>. Интересно, что в обществе и в редакциях никто не жалеет Old'a (один из псевдонимов Амфитеатрова — Д.Д.) и все единодушно именуют его подлецом» [17, 401 – 402]. Сестра Антона Павловича, Мария Павловна Чехова отмечала, что «Амфитеатров сослан в Тобольскую губернию за фельетон, о котором писать неудобно» [25, 196].

В то же время Антон Павлович Чехов, узнав о ссылке Амфитеатрова, послал тому письмо: «Многоуважаемый Александр Валентинович, я только что узнал, что Вы в Минусинске. Будьте

добры, напишите мне в Ялту, не нужно ли Вам чего-нибудь, не могу ли я быть полезен и проч. и проч.» [23].

Ходили слухи, что фельетон был написан Амфитеатровым под влиянием запоя, его распространяли, в частности, Виктор Петрович Буренин [22, 329] и Петр Алексеевич Сергеевко [18, 448]. А Гиляровский объяснял появление фельетона водевильной ошибкой: «Опубликование фельетона было делом случайным <...>. Амфитеатров приехал домой из ресторана. К нему в это время пришли из редакции за очередным фельетоном. Он подсел к столу, выдвинул ящик и вместо написанного очередного фельетона сунул сотруднику по ошибке другую рукопись. А утром развернул газету и... пришел в ужас» [16].

События вокруг «Господ Обмановых» получили освещение в нелегальной социал-демократической печати: газета «Искра» написала о ссылке Амфитеатрова и закрытии «России» и подробно изложила содержание фельетона [4, 93].

Фактический идейный противник «России» издатель «Нового времени» Алексей Сергеевич Суворин считал, что фельетон «Господа Обмановы», а также статья известного церковного деятеля, архиепископа Харьковского и Ахтырского Амвросия (в миру – Алексея Иосифовича Ключарева) в апрельской книжке за 1901 год «Веры и разума» – журнала, преобразованного Амвросием из «Харьковских епархиальных ведомостей» (Суворин отозвался о ней: «<...> напечатанная не по разуму <...> где было высказано много резкой правды с юмором <...> может быть, статья в «Вере и разуме» самая ядовитая. Наивно ли поступил Амвросий? Конечно, нет. Он хотел показать: посмотрите, как говорят о духовенстве, о правительстве и государе» [22, 333]), и известная речь орловского губернского предводителя и камергера императорского двора Михаила Александровича Стаховича в «Орловском вестнике» в защиту свободы совести, вызвавшая активную полемику в прессе, в ходе которой участвовали, в том числе, протоиерей Иоанн Кронштадтский и Владимир Ильич Ленин, – это «три литературных статьи, которые надо считать яркими знаменами времени <...>. Это три звена одной и той же цепи» [22, 333], которые были протестами в легальной печати против порядков самодержавной России.

Советский историк Борис Александрович Романов отмечал, что резонанс вокруг фельетона «Господа Обмановы» повлиял на настроение Николая II и ход переговоров с Вильгельмом II в Ревеле в 1902 году: ««Ника-милуша» дал бы сколько угодно, чтобы об этом не знали немцы, которых он встретит в Ревеле. А знал об этом, конечно, весь свет. Естественно, что Николай

явился теперь в Ревель (24–20 июля 1902 г.) «в более реакционном настроении» и много говорил о необходимости «борьбы с анархизмом», открыто в беседе с Бюловым (Бернхард фон Бюлов – князь, германский государственный деятель, в 1900–1909 годах рейхсканцлер Германии и министр-президент Пруссии, – Д.Д.) клеймил Толстого «злым гением России» и не совсем кстати выразил, что конституция была бы «конец для России» [21, 168].

В целом основные предположения современников Амфитеатрова о мотивах публикации фельетона можно разделить на 3 группы.

К первой группе относятся предположения, которые основаны на мнении, что Амфитеатров данной публикацией рассчитывал на закрытие «России» или как минимум понимал, что это очень вероятный вариант развития событий. Наиболее популярные предположения из этой группы следующие.

Во-первых, Амфитеатров намеревался уничтожить газету из-за конфликта с Дорошевичем и Сазоновым. Как утверждал, например, журналист Владимир Августович Гольдштейн, Амфитеатров ему говорил: «Я создал «Россию», я ее и уничтожу» [22, 327].

Во-вторых, Амфитеатров был подкуплен Сувориным. Это предположение было очень популярно у современников. Александра Викторовна Богданович, жена генерала от инфантерии, члена совета министра внутренних дел Евгения Васильевича Богдановича, 23 января 1902 года после встречи с Сувориным записала в своем дневнике: «Положение «Нового времени» в данную минуту отчаянное. Суворина во всем подозревают. В истории «России» выдумали такой ужас, будто Суворин подкупил Амфитеатрова, чтобы сгубить газету, написав этот фельетон, и дал Амфитеатрову 50 тыс. руб., обещав, что его возьмет к себе» [5, 280]. В «Записке» петербургского отдела Охранного отделения, подготовленной в связи с «Господами Обмановыми», которую приводит Семен Владимирович Букчин, отмечалось: «Лица, стоящие близко к газете «Россия», и многие ее сотрудники серьезно убеждены, что Амфитеатров в этом случае действовал под влиянием Суворина, желавшего вызвать во что бы то ни стало запрещение газеты «Россия» как опасного для него конкурента на литературном рынке» [7, 373].

Эти слухи подпитывались тем, что в начале XX века у «Нового времени» действительно были серьезные проблемы. Если в 1897 году тираж «Нового Времени» составлял 50 тыс. экземпляров [6, 32], то после студенческих беспорядков 1899 года, когда Суворин написал несколько «Маленьких писем», в которых критиковал студенчество,

тираж газеты упал до 35 тыс. экземпляров [1], а ряд сотрудников образовал костяк нового конкурента – газеты «Россия» (кроме Амфитеатрова и Сазонова, в новое издание ушел, например, популярный в то время писатель Игнатий Николаевич Потапенко). Антон Павлович Чехов писал: ««Россия» имеет большой успех в провинции, «Нов<ое> время» падает и падает. И, по-моему, вполне справедливо» [24]. В начале 900-х годов тираж «Нового Времени» выправился до 50–60 тыс. экземпляров [6, 45], но из-за высокой себестоимости у издания были проблемы с прибыльностью. 15 января 1902 года Суворин в дневнике отметил: «Положение наше, однако, было бы очень хорошим, если б не огромная стоимость издания. Набрали сотрудников до 60 человек, все с жалованьем, и большей частью совсем ненужных. Распустить ненужных невозможно, и нет возможности пригласить новых» [22, 328]. В таких условиях слухи о том, что Суворин подкупом пытается уничтожить «Россию» появлялись еще до публикации «Господ Обмановых». Так 1 мая 1900 года Суворин записал в своем дневнике: «Прошлой осенью говорили, что я дал денег князю Барятинскому (Владимир Владимирович Барятинский – князь, писатель, драматург, публицист, театральная деятельность, в 1899–1900 годах издавал газету «Северный Вестник» – Д.Д.) для того, чтобы погубить «Россию»» [22, 288].

Вторую группу составляют предположения, которые основываются на том мнении, что Амфитеатров не собирался намеренно подставлять газету «Россия» под удар.

Во-первых, предположение Горького о том, что Амфитеатров написал фельетон для реабилитации «России» перед публикой за вышедшую в газете лояльную статью о 25-летию службы Сипягина. Оно получило распространение в исследованиях советских авторов. Так, с предположением Горького соглашается Эдуард Васильевич Летенков [13, 78]. Схожие мотивы, но с личным оттенком, видел в публикации фельетона Корней Иванович Чуковский, который охарактеризовал Амфитеатрова, как «внезапно решившего заглядеть свое темное прошлое антидинастическим памфлетом «Господа Обмановы»» [26].

Во-вторых, предположение о том, что к публикации фельетона Амфитеатрова привела зависть к творческим успехам Дорошевича. Работавший в «России» Юрий Дмитриевич Беляев вспоминал, что Амфитеатров «положительно страдал от того, что Дорошевича больше читают, что Дорошевичу, в сущности, газета обязана» [22, 326]. Суворин отмечал: «Он, очевидно, стремился обратить внимание на свои фельетоны и страдал от соперничества с Дорошевичем» [22, 326]. Сам Амфитеатров писал жене: «Царь

требует «Россию» почти ежедневно и хохочет над Дорошевичем. Этим отчасти объяснять надо, что нам сходит с рук многое, другим недоступное» [19, 15]. Рерберг вспоминал: «<...> в Петербурге начала издаваться газета «Россия» <...>. В Петербургских и Московских салонах только и разговоров было – о последнем фельетоне Дорошевича в «России»» [20, 34-35].

Третью группу составляют предположения о том, что Амфитеатров с поддержкой Альберта намеренно создавал скандал вокруг «России», чтобы избавиться от редакторства Сазонова. В упоминавшейся «Записке» Охранного отделения отмечалось: «<...> для лиц посвященных нет никакого сомнения, что преступная выходка Амфитеатрова есть ничто иное как сознательно задуманная проделка его и негласного издателя газеты Альберта с целью избавиться от редакторства Сазонова и таким путем либо окончательно взять издание этой газеты в свои руки, либо, в случае ее запрещения, приобрести одну из ныне продающихся газет, как то: «Луч», «Сын отечества» или еще не вышедший в свет «Русский голос»» [7, 373].

На наш взгляд, мнение о том, что Амфитеатров собирался уничтожить газету, а, значит, и связанные с ним предположения о мотивах публикации фельетона, выглядят несостоятельными.

В начале 1902 года у Амфитеатрова не было шансов обеспечить гарантированный крах газеты. Сам он писал: «В это время период, когда я фактически управлял «Россией» и мог считать ее своим органом, минул давно, а с 6 ноября 1901 года я даже отказался от всякого редакционного участия в газете и остался в ней лишь на правах сотрудника» [2, 104].

Фактически Амфитеатров на тот момент имел права рядового автора «России» и каждый его материал перед публикацией проходил цензуру Сазонова, который не поместил в газете несколько его текстов, «вполне безопасно появившихся потом на столбцах других изданий» [2, 104]. Один из них – фельетон «Из зачеркнутых страниц» – вышел в «Санкт-Петербургских Ведомостях» одновременно с «Господами Обмановыми» [2, 104].

Мало того, Амфитеатров утверждал, что Сазонов периодически носил острые тексты, в том числе и его, на предварительную цензуру в Главное управление по печати [2, 104]. Кроме того, Амфитеатров в своих мемуарах вспоминает об еще одном цензурном фильтре в газете «Россия»: «С своей стороны, издательская группа, желая хоть сколько-нибудь противодействовать произволу официального редактора, устроила нечто вроде проверочного, что ли, комитета

по литературным делам, тоже рассматривавшего очередные корректуры с точки зрения безопасности для газеты. Трагикомический комитет этот составляли три человека, совершенно непричастные к литературе, абсолютно чуждые каких-либо крамол, материально заинтересованные в существовании «России» и, следовательно, более самого г. Сазонова опасаящиеся возможности погубить ее тем или иным цензурным грехом» [2, 104-105].

Но даже если предположить, что Амфитеатров собирался намеренно провести через все эти цензурные фильтры и поставить текст, который должен был спровоцировать закрытие газеты, надо признать, что вряд ли он решился бы сделать это в январе 1902 года.

На момент публикации фельетона Амфитеатров находился в непростом материальном положении. Уже 15 января ему предстоял платеж по крупному банковскому векселю, причем необходимых средств на руках у Амфитеатрова не было, и он рассчитывал, что платеж будет погашен за счет его должников [2, 138]. А одним из общих мест в большинстве рассказов о ссылке в Минусинск стало то, что в нее Амфитеатров уехал в осеннем пальто, так как зимнюю шубу он заложил [22, 325].

Мог ли человек в таком финансовом положении сознательно лишиться себя единственного на тот момент значительного стабильного источника заработка? Нет, если только не получил за это деньги. Но версия с подкупом не подтверждается. Суворин в своем дневнике с негодованием отвергает слухи о том, что дал Амфитеатрову деньги за публикацию «Господ Обмановых» [22, 329], а ведь Суворин не рассчитывал на публикацию своего дневника. Вряд ли мог быть подкуп и со стороны других лиц: жене Амфитеатрова после ссылки мужа пришлось срочно искать деньги в долг [22, 327].

Возможно, Сазонов действительно пропустил «Господ Обмановых» в печать именно для реабилитации перед читательской аудиторией за появлявшиеся в газете провластные тексты. Позже, пытаясь оправдаться, он говорил, что не видел фельетона [22, 326]. Впрочем, жена Амфитеатрова уверяла, что он не только читал текст, но даже сказал: «Наконец-то Амфитеатров написал хороший фельетон» [22, 327]. Забрав управление газетой от Амфитеатрова, Сазонов лавировал между либеральной аудиторией «России», Министерством финансов и Главным управлением по делам печати. Это в принципе было бедой всех легальных либеральных изданий царской России: угодить одновременно читателю, который ждал и требовал от печати обличительных текстов, и цензуре. Так журна-

лист Иона Рафаилович Кугель, брат упоминавшегося нами Александра Рафаиловича Кугеля, писал о самой успешной газете дореволюционной России: «Газета умеренно-либеральная, отражавшая взгляды и чаяния средней и частично мелкой буржуазии, «Русское слово» нет-нет да вдруг понесет елейным духом, заскрипит наигранно-верноподданическими нотами во вкусе «Московских ведомостей», либо блеснет неожиданно небывалым радикализмом» [13, 79].

Уже сосланный в Псков Сазонов писал министру финансов Сергею Юльевичу Витте о закрытой газете, одним из залогов успеха которой была остролиберальная позиция: ««Россия», несомненно, в общем велась в русском национальном духе, направление ее было государственным <...>. В момент брожения молодежи прошлую зиму, когда революционная группа выбивалась из сил, я пустил ряд успокаивающих статей, вызвав отдельные против себя протесты и угрозы <...>. В наше зловещее время, когда всеобщая смута и анархия мысли властно охватили умы и дерзко угрожают государственности, благоразумно ли закрывать рот людям, тесно сплоченным государственной идеей, одушевленным исторически сложившимися основными началами нашего строя, смело идущими в бой за царя и отечество» [8, 157-158]. Суворин отмечал в связи с публикацией фельетона «Господа Обмановы»: «Тут Сазонов виноват во сто раз больше. Это – фальшивый человек» [22, 327].

Впрочем, не исключено, что Сазонов действительно не понял истинного смысла «Господ Обмановых». Редакция получила фельетон от Амфитеатрова в субботу, а уже в воскресенье он должен был выйти. В «Записке» Охранного отделения отмечалось, что редактор Сазонов был известен небрежным отношением к делу [7, 374]. Там же говорится: «<...> он (Амфитеатров – Д.Д.) отправился в редакцию, но там оказалось, что Сазонов все-таки прочитал фельетон, кое-что понял и затрудняется его печатать. Однако Амфитеатрову удалось уговорить Сазонова» [7, 374]. Если бы в редакции «России» на тот момент были нормальные творческие и человеческие отношения, Амфитеатров, возможно, и сообщил бы дополнительно истинный смысл текста. Но Сазонов чуть ли не с первых дней переписывался с редакцией «при помощи нотариуса» [22, 270].

Как бы то ни было, едва ли сам Амфитеатров при написании «Господ Обмановых» руководствовался задачей подтвердить либеральное направление издания после публикации в ней «просипягинской» статьи. Как мы уже отмечали выше, к тому моменту он уже фактически стал рядовым сотрудником газеты. Участие его в жизни издания ограничивалось написанием текстов,

а редакционными вопросами он не занимался вовсе, они отошли Сазонову и главам отделов. Тем более Амфитеатров вряд ли целенаправленно взялся бы за «обеление» «России», поскольку к тому моменту он уже искал варианты нового трудоустройства. Суворин 14 января 1902 года записал в дневнике: «Прошлой осенью он (Амфитеатров – Д.Д.) хотел перейти в «Новое Время», был со мной очень любезен, но я уклонялся от переговоров, находя, что они невозможны» [22, 326].

Версию охранки о том, что Амфитеатров скандальным фельетоном пытался сместить с поста редактора Сазонова, считает вероятной Букчин. Он отмечает: «<...> если бы Сипягин не проявил ненужного служебного рвения, то его (Амфитеатрова – Д.Д.) дивиденды смелого и в то же время «недосягаемого» для власти публициста сильно выросли бы, положение в редакции упрочилось, и они с Альбертом, а, может, он уже единолично мог бы диктовать свои условия Сазонову и даже претендовать на его место» [7, 376].

Но есть несколько обстоятельств, которые ставят под сомнения эту версию. Во-первых, она предполагает, что издатель «России» Альберт кардинально поменял свою линию поведения по отношению к газете: выше мы уже приводили воспоминания Амфитеатрова об издательской группе, которая, как и Сазонов, вела внутреннюю цензуру газеты и не допускала в печать опасных текстов. Во-вторых, этой версии также косвенно противоречит приведенная выше информация о поиске Амфитеатровым новой работы. В-третьих, Амфитеатров знал, что у Сазонова были связи в Главном управлении по делам печати, он часто виделся с его председателем князем Николаем Владимировичем Шаховским [2, 104], также редактору «России» удалось установить достаточно тесный контакт с Витте и его командой. Амфитеатров вспоминал: «Сазонов забрал редакцию «России» в свои руки «при благосклонной помощи Главного управления по делам печати» [2, 104]. Амфитеатров должен был понимать, что если он спровоцирует крупный скандал, то очень вероятно, что благодаря своим связям Сазонов пострадает в нем куда меньше самого фельетониста. Так в итоге и вышло.

Некоторые исследователи склоняются к тому, что главным мотивом действий Амфитеатрова было желание приумножить личную популярность в соперничестве с Дорошевичем, о котором говорили Беляев и Суворин. Воронежский исследователь Сергей Валентинович Щербаков считает, что именно этим обусловлены нападки на царя в текстах Амфитеатрова. Как он отмечает, «<...> Амфитеатров понимал, что делает, но вкладывал в фельетон свой смысл и не ожидал такой реакции на публикацию» [27, 55].

У этого объяснения мотивов Амфитеатрова есть серьезное отличие от других версий. Если их сторонники пытались найти конкретную причину появления конкретного фельетона, то Беляев и Суворин в прошлом, Щербаков в наши дни говорят о неких тенденциях в творчестве Амфитеатрова в целом (систематические нападки на царя, соперничество с Дорошевичем), рассматривая фельетон «Господа Обмановы» как логичный венец этой тенденции.

Их рассуждения справедливы. Но частью какой бы тенденции ни был фельетон «Господа Обмановы», он сильно выбивался из всего того, что прежде писал Амфитеатров, своей дерзостью, незавуалированностью нападок на царя, царскую семью, вторжением в ее интимную жизнь. Соперничество Амфитеатрова с Дорошевичем было всегда одним из залогов успеха «России», но до таких дерзких текстов ни одного автора не доводило. На наш взгляд, в появлении такого фельетона, кроме некоей общей тенденции, свою роль должен был сыграть дополнительный фактор, или, скорее, стечение факторов.

В субботу 12 января 1902 года написан фельетон «Господа Обмановы». Он должен был стать первой главой сатирического романа. Эта тема разрабатывалась Амфитеатровым задолго до той субботы, но была реализована в виде фельетона для «России» именно в тот день, по словам автора, потому что его мучила мигрень, и он решил не заниматься разработкой новой публицистической темы [2, 94-95].

К тому моменту Сазонов и литературный совет «России» уже забраковали по цензурным соображениям несколько текстов Амфитеатрова. Логично будет предположить, что у Амфитеатрова накопилось немало раздражения из-за действий Сазонова, которое усиливалось личной неприязнью (до нас дошло несколько свидетельств об этой неприязни, например, Амфитеатров отказался присутствовать на юбилейном чествовании публициста Николая Константиновича Михайловского вместе с Сазоновым [3, 302]). Автор «отвел душу» и написал крайне жесткий и провокационный текст, ожидая, что и на этот раз его не пропустит внутриредакционная цензура. Подтверждением этого предположения может служить его высказывание, записанное со слов жены Амфитеатрова Сувориным: «Вероятно, не напечатают. Это будет третий фельетон, который отвергается. По крайней мере, не скажут, что я ничего не делаю» [22, 325].

Текст попал в печать.

Впрочем, Амфитеатров был уверен, что даже если редакция пропустит текст, его «хулиганство» сойдет ему с рук. Суворин со слов жены фельетониста писал: «Утром он увидел фелье-

тон напечатанным и сказал: «Не догадались». И был все время весел и доволен» [22, 325]. Хотя Охранное отделение отмечало, что в день выхода фельетона «Амфитеатров будто бы одумался <...>. Весь день он рыскал по городу и старался достать заграничный паспорт на чужое имя» [7, 374].

Самоуверенность Амфитеатрова имела под собой несколько оснований. Во-первых, цензура ранее уже пропускала острые тексты «России» с намеком на личность царя, например «Сказку о том, как леший с лешим воевал и что из этого вышло» Амфитеатрова, в которой автор фактически назвал самодержца «дурашкой». Сам Амфитеатров однажды пропустил в печать текст Анатолия Сергеевича Яковлева, в котором автор обработал анекдот, который часто применялся к отношениям Николая II и Матильды Кшесинской, в историю некоего губернатора с царским именем-отчеством Николай Александрович. Отчасти газету «избаловал» Шаховской, который держал себя на своем посту довольно либерально и про которого приверженцы монархии с удивлением отмечали, что он «очень покровительствует «России»» [5, 277].

При этом страна была уже на пороге революции, и публика жаждала все более жестких текстов. В 1900 году Суворин записал в своем дневнике: «Истинно преданных самодержавию очень немного. Народ, нечего сказать, ибо движение идет из столиц и городов, и либерализм овладевает всеми» [22, 230]. Сама атмосфера была такая, что текст, подобный «Обмановым», рано или поздно должен был появиться в легальной печати. Наверняка журналисты «России» хотели соответствовать запросам аудитории, да они в основном и сами были частью «движения», про которое писал Суворин. Они все больше вдохновлялись проходившими в печать «сказками» и, почувствовав вкус свободы, постепенно переставали ощущать границу, за которую им не позволили бы зайти. Переступить эту границу мог любой автор «России», но первым оказался Амфитеатров.

Во-вторых, Амфитеатров был уверен, что публикация фельетона не вызовет мгновенной жестокой реакции со стороны власти, поскольку таким образом она бы только объяснила и подчеркнула «всей Европе задний смысл фельетона, окружила «Обмановых» шумом неслыханного скандала» [2, 95].

Этот расчет Амфитеатрова сработал на начальном этапе. В анонимной пояснительной записке, сохранившейся в архиве Амфитеатровых, которую приводит Рейтблат, говорится, что Шаховской заявил Сипягину в ответ на выговор, что «его верноподданнические чувства никак не могли допустить, чтобы в лице Ники-милуши

был изображен царствующий император, а мать Ники, бывшая гувернантка Марина Филипповна, изображала вдовствующую императрицу, и в данный момент он, кн<язь> Шаховской, не смеет и допустить мысли, что это изображения указанных лиц царствующего дома» [18, 449]. Некоторые представители власти считали, что именно в таком ключе и нужно было реагировать на публикацию фельетона. Так Богданович писала в дневнике: «Скворцов (Василий Михайлович Скворцов – чиновник особых поручений при обер-прокуроре Святейшего синода, – Д.Д.) говорил, что, по его мнению (а мнение его – отголосок мнения Победоносцева), не следовало так помпезно наказывать именно за фельетон «Господа Обмановы». Амфитеатрова следовало крепко за него распечь, пропустить затем некоторое время, затем придрататься к какой-либо другой статье в этой газете и тогда ее прихлопнуть» [5, 280].

Но фельетон получился слишком злой, чтобы власть могла сделать вид, будто бы не поняла его. Главной ошибкой Амфитеатрова было то, что он решился затронуть в нем интимную жизнь царской семьи и не только самого императора, но и его мать, отца, бывших самодержцев. В данном случае с Амфитеатровым сыграли злую шутку привычки русской прессы. Как отмечает исследователь Светлана Яковлевна Махонина, «полемика в русской журналистике всегда велась за гранью этических норм» [15, 15]. В запале Амфитеатров не стал изменять традициям прессы и в «полемике» с царской семьей.

Итак, предположение о том, что Амфитеатров намеренно написал фельетон «Господа Обмановы» с расчетом на закрытие «России» или смещение Сазонова с поста главного редактора, на наш взгляд, не соответствует действительности. Также не соответствует действительности предположение о том, что этот фельетон был написан как некая компенсация лояльным властям текстов, опубликованных в «России».

Скорее всего, фельетон появился под влиянием соперничества с Дорошевичем, а нападки на царя были продиктованы желанием автора привлечь к себе дополнительное внимание. Однако привести к написанию «Господ Обмановых» эти факторы могли только в сочетании со сложившимися на тот момент обстоятельствами. Это, с одной стороны, раздражение Амфитеатрова внутренней редакционной цензурой, а с другой, отсутствие сопоставимых по жесткости карательных мер на предыдущие острые публикации в газете «Россия». Сыграли роль и запросы читательской аудитории вкупе со сложившимися методами работы русской массовой прессы и уверенность в том, что власти не посмеют обнажить реальный смысл фельетона громким скандалом.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алексей Суворин. Биография [Электронный ресурс] // Сеанс [Официальный сайт]. URL: <http://seance.ru/n/21-22/biopic-aleksey-suvorin/aleksey-suvorin-biografiya/> (дата обращения: 23.08.2013).

2. Амфитеатров А. В. «Господа Обмановы»: история романа и ссылки / А. В. Амфитеатров // Жизнь человека, неудобного для себя и для многих / [вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. А. И. Рейтבלата]. – В 2-х т. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – Т. 2. – С. 90-139. – («Россия в мемуарах»).

3. Амфитеатров А. В. Из литературных воспоминаний / А. В. Амфитеатров // Жизнь человека, неудобного для себя и для многих / [вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. А. И. Рейтבלата]. – В 2-х т. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – Т. 1. – С. 148-326. – («Россия в мемуарах»).

4. Бережной А. Ф. Царская цензура и борьба большевиков за свободу печати (1895-914) / А. Ф. Бережной. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1967. – 287 с.

5. Богданович А. В. Три последних самодержца / А. В. Богданович. – М.: Изд-во «Новости», 1990. – 608 с.

6. Боханов А. Н. Буржуазная пресса России и крупный капитал (конец XIX в. – 1914 г.) / А. Н. Боханов. – М.: Изд-во «Наука», 1984. – 152 с.

7. Букчин Семен. Влас Дорошевич. Судьба фельетониста / Семен Букчин. – М.: Аграф, 2010. – 704 с. – («Символы времени»).

8. Букчин С. В. Судьба фельетониста / С. В. Букчин. – Минск: Изд-во «Наука и техника», 1975. – 256 с.

9. Волконский Сергей, князь. Родина / Князь Сергей Волконский // Мои воспоминания. – В 2-х т. – М.: Искусство, 1992. – Т. 2. – 383 с. – («Театральные мемуары»).

10. Горький А. М. Письма к К. П. Пятницкому / А. М. Горький // Архив А. М. Горького / Академия Наук СССР; Институт мировой литературы им. А. М. Горького / Редактор И. Н. Успенский / Подготовка текста и примечания А. А. Сабурова. – М.: Государственное издательство Художественной литературы, 1954. – Т. IV. – 448 с.

11. Кугель А. Р. Листья с дерева / А. Р. Кугель. – Л.: Изд-во «Время», 1926. – 211 с.

12. Кузина Л. Н. Толстой в последнее десятилетие своей жизни. По записям в дневнике М. С. Сухотина [Электронный ресурс] / Л. Н. Кузина // Институт мировой литературы им. А. М. Горького [Официальный сайт]. URL: http://www.imli.ru/litnasledstvo/Tom%2069-2/vol69-2_4_Толстой%20в%20последнее.pdf (дата обращения: 23.08.2013).

13. Летенков Э. В. «Литературная промышленность» России конца XIX – начала XX века / Э. В. Летенков. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1988. – 176 с.

14. Маковицкий Д. П. Яснополянские записки / Д. П. Маковицкий // Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников / [под общ. ред. С. Н. Голубова и др.]. – Изд. 2-е, испр. и доп. – В 2-х т. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. – Т. 2. – С. 238-267.

Д.А. Дробышевский

15. Махонина С. Я. «Я наблюдаю и рассказываю свои впечатления» (А. С. Суворин. «Маленькие письма» 1889-1909 гг.) / С. Я. Махонина. – М. : Факультет журналистики МГУ, 2012. – 252 с.
16. Морозов Н. И. Сороклет с Гиляровским [Электронный ресурс] / Н. И. Морозов // Вологодская областная универсальная научная библиотека [Официальный сайт]. URL: <http://www.booksite.ru/guilyai/fulltext/4oy/ear/1.htm> (дата обращения: 23.08.2013).
17. Письма А. П. Чехову его брата Александра Чехова / Подготовка текста писем к печати, вступит. статья и коммент. И. С. Ежова / [под ред. И. К. Луппола]. – М. : Государственное социально-экономическое издательство, 1939. – 567 с. – (Всероссийская библиотека им. В. И. Ленина).
17. Рейтблат А. И. Комментарии / А. И. Рейтблат // А. В. Амфитеатров. Жизнь человека, неудобного для себя и для многих / [вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. А. И. Рейтבלата]. – В 2-х т. – М. : Новое литературное обозрение, 2004. – Т. 2. – С. 432-512. – («Россия в мемуарах»).
18. Рейтблат А. И. Фельетонист в роли мемуариста / А. И. Рейтблат // А. В. Амфитеатров. Жизнь человека, неудобного для себя и для многих / [вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. А. И. Рейтבלата]. – В 2-х т. – М. : Новое литературное обозрение, 2004. – Т. 1. – С. 5-18. – («Россия в мемуарах»).
19. Рерберг Ф. П. Исторические тайны великих побед и необъяснимых поражений. Записки участника Русско-Японской войны 1904-1905 гг. и члена военно-исторической комиссии по описанию Русско-Японской войны. 1906-1909 гг. / Ф. П. Рерберг. – Мадрид : Spain Deposito Legal, 1967. – 357 с.
20. Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895-1907) / Б. А. Романов. – М-Л. : Издательство Академии Наук СССР, 1947. – 496 с.
21. Суворин А. С. Дневник / А. С. Суворин. – М. : Изд-во «Новости», 1992. – 496 с.
22. Чехов А. П. Письмо Амфитеатрову А. В., 27 февраля 1902 г. Ялта / А. П. Чехов // Полное собрание сочинений и писем : В 30 т. ; Письма : В 12 т. / АН СССР ; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М. : Наука, 1981. – Т. 10. Письма, Апрель 1901 – июль 1902. – С. 199-200.
23. Чехов А. П. Письмо Чехову Ал. П., 25 января 1900 г. Ялта / А. П. Чехов // Полное собрание сочинений и писем : В 30 т. ; Письма : В 12 т. / АН СССР ; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М. : Наука, 1980. – Т. 9. Письма, 1900 – март 1901. – С. 27-28.
24. Чехова М. П. Письма к брату А. П. Чехову / М. П. Чехова. – М. : Государственное издательство художественной литературы, 1954. – 235 с.
25. Чуковский К. И. Мастерство Некрасова [Электронный ресурс] / К. И. Чуковский // Отдаю искусству жизнь без сдачи [Сайт, произведения публикуются на основании лицензионного договора от 4 февраля 2009 г.]. URL: <http://www.chukfamily.ru/Kornei/Prosa/Masterstvo/Rech.htm> (дата обращения: 23.08.2013).
26. Щербаков С. В. Публицистика А. В. Амфитеатрова рубежа XIX-XX веков и его общественно-политическая позиция / С. В. Щербаков // Акценты. – 1998. – № 3-4. – С. 54-58.

*Дробышевский Д. А.
Воронежский государственный университет.
Аспирант кафедры истории журналистики и литературы
факультета журналистики.*

*Drobyshevskiy D. A.
Voronezh State University.
Post-graduate student. Department of Journalism, History of
journalism and literature.*